

Смысловое поле права, политики, морали: проблема взаимодействия

***Аннотация.** Проблема взаимодействия смыслового поля права, политики и морали практически не изучена в современной гуманитарной литературе, несмотря на то что понятие смыслового поля гуманитариям известно давно, а в отдельных дисциплинах (лингвистика, культурология, психология) оно получило подробную разработку в процессе развития предмета этих наук. Цель статьи — выявить значение и объем использования понятия смыслового поля в праве, политике и нравственной сфере общества, а также обозначить проблему взаимодействия данных полей, предложить пути выхода из основных затруднений, возникающих в процессе ее анализа. Методология исследования, применяемая автором, заключается в комплексном сочетании идей диалектики, синергетики, герменевтики, феноменологии, коммуникации, а также нормативно-ценностного подхода к праву. Используются источники по философии, политике, психологии, нравственности и праву. Основные результаты, к которым приходит автор: анализ понятия смыслового поля в каждой из предложенных областей социального знания требует содержательной переинтерпретации понятийного аппарата и наполнения его элементов тем смыслом, который соответствует целям, задачам и характеру предмета именно данной науки, что влияет и на особенность используемых методов познания.*

***Ключевые слова:** смысл права, смысл политики, смысл морали, смысловое поле, концепт, естественно-научная методология, гуманитарная методология.*

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.102.5.024-033

Понятие смыслового поля основано на общем концептуальном представлении о смысле в целом, а его можно рассматривать как особый продукт междисциплинарного проблемно ориентированного знания. Вместе с тем развитие взглядов на общее понятие смысла идет неодинаковыми темпами, а степень интенсивности его разработки зависит от задач конкретной дисциплинарно организованной науки. Наиболее полно, в сравнении с другими областями гуманитарного знания, эти вопросы традиционно рассматриваются

в языкознании и психологии, а наряду с этим в культурологии. Обращение к смысловой парадигме научного знания в данных науках связано с тем, что лингвисты, например, рассматривают в качестве двух разных аспектов становления и функционирования знания *значение* и *смысл*. Подразумевается, что значение является результатом совместной познавательной деятельности, который фиксируется в коллективном знании (словаре), а смысл всегда индивидуален и ситуативен, связан с единичным контекстом словоупотребления. Однако ни значение, ни

© Гаврилова Ю. А., 2019

* Гаврилова Юлия Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского государственного университета
juliagavr@yandex.ru

400062, Россия, г. Волгоград, Университетский просп., д. 100

смысл не могут быть оторваны друг от друга, а существуют только в неразрывном единстве, которое формирует единое смысловое поле, объединяющее индивидуальное и коллективное знание, личность и культуру¹.

Психологи активно изучают проблему смысла и его организации в виде смыслового поля применительно к исследованию внутреннего мира личности и деятельностного подхода. Это движение в «смысловом поле», не связанном с видимым полем, которое позволяет ребенку осознавать смысл игровой деятельности и абстрактно замещать одно действие другим, подобно процессу «переплавки» вещей друг в друга². Культура как фактор восприятия и осмысления человеком пространства и времени в историческом контексте создает культурно-смысловое поле, необходимое для самоопределения и бытия человека³.

Следует высказать предварительное замечание, что полевая теория пришла из физики, накопившей огромные достижения и служащей общепризнанным фундаментом развития знаний в естественно-научных дисциплинах. Однако они принимают за объект познания вещественный мир, его структуру и мельчайшие единицы строения. В современных естественных науках обосновывается, что материальные объекты взаимодействуют друг с другом посредством поля или полевой среды, а все свойства этих объектов оказываются динамическими и приобретенными, но не всегда имманентными⁴.

В отечественной философской литературе существует мнение, что родоначальником употребления полевой терминологии в социально-гуманитарных науках является Э. Гуссерль, который в своих работах использовал весьма

близкую лексическую конструкцию «поле значений чистого сознания» («das Feld des reinen Bewußtsein») ⁵. Однако со времени создания феноменологической парадигмы прошло уже более 100 лет, а развитие отечественной науки в XX в. потребовало актуального обновления этих знаний и расширения познавательных установок, на которых они основываются: проблема «поля значений» была преобразована в концепцию смыслового поля как структуру знаний, взятую в более операциональном социокультурном контексте, усилено герменевтическая, коммуникативная, семиотическая и другие составляющие смысловой теории. Следовательно, основное мировоззренческое и методологическое значение понятия смыслового поля заключается в органическом синтезе, рассмотрении в единстве объективного содержания исследуемых социальных явлений и субъективного опыта их восприятия и понимания, а, кроме того, смысл как «объективно-субъективная» категория (А. Н. Леонтьев) всегда требует определенной организации, например полевой.

В научных прениях автор настоящей статьи иногда встречал позицию, что недопустимо прямое «копирование» понятий одной, главным образом естественно-научной, области знаний в другую, гуманитарную область. Это относится и к физической идее поля, которой не место в общественных науках. Думается, что надо серьезно возразить этой позиции тем, что она соответствует духу классической науки (XVII — вторая половина XIX в.) с ее замкнутыми внутрипредметными связями. Анализ понятия смыслового поля в каждой из предложенных областей социального знания требует содержательной переинтерпретации понятийного аппарата и наполнения его элементов тем смыслом, ко-

¹ Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды. М. : Гнозис, 2005. С. 48, 231, 249.

² Цит. по: Эльконин Д. Б. Психология игры. М. : Педагогика, 1978. С. 289—294.

³ Ермолина Л. А. Человек в пространстве и времени как в культурно-смысловом поле // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 19.

⁴ Воронков С. С. Общая динамика. Псков : Квадрант, 2008. С. 61.

⁵ Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung 1,1. Halle a. d. S. Verlag von Max Niemeyer, 1913. S. 95, 111, 113.

торый соответствует целям, задачам и характеру предмета именно данной науки, что влияет и на особенность используемых методов познания.

Как указывает общепризнанный специалист по проблеме теоретического знания академик В. С. Степин, принцип «конструктивного обоснования» теории на этапе становления неклассической науки (конец XIX — первая половина XX в.) предполагал возможность трансляции идей, принципов и методов одной науки в предметную область другой науки. Абстрактные объекты старой теории, будучи помещенными в новую «сетку» связей и отношений, наделялись новыми признаками и изменяли корреляции между элементами действующей системы знаний, а после неоднократной эмпирической проверки и сопоставления полученных новых данных (гипотез) со сложившимся аппаратом теории формулировалась в окончательной форме новая, более сложная теория, в сжатом и «свернутом» виде содержащая старую, «привычную» теорию⁶.

Ранее мы уже обращали внимание, что используемая в гуманитарных областях знания категория *смыслового поля* является не разработанной в юридической науке⁷. Экстраполируя данные классической полевой теории, можно утверждать, что *ядро смысла права* выступает лишь источником поля, а само поле и его границы — *периферия смысла* — простираются до пределов, определяемых взаимодействием с соседним объектом, но такие пределы в каждый конкретный момент времени неизвестны, в наглядном виде представляют собой саму открытость, динамичность и незавершенность. В данном контексте следует указать на познавательные регулятивно-конструктивные возможности теории права упорядочить и структурировать знания, представления о сущности, содержании и смысле права в модели его *смыслового поля*.

Значение понятия смыслового поля права для юридической науки представляется весь-

ма актуальным. *Во-первых*, с точки зрения философской рефлексии роли права в обществе смысловое поле права — это структурный образ смысла права, отображающий пространственно-временную организацию его содержания, его многоплановую сущность, формы объективации и осуществления в социальной практике. *Во-вторых*, на уровне общеправовой теории и догмы права, а также проблемы правопонимания смысловое поле права — это одна из альтернативных концепций понимания его природы, выступающая сложной, многомерной и многослойной, полевой структурой с типовой схемой «ядро — периферия», включающей в себя набор более конкретных, детальных полей (слоев). Каждое поле в этой концептуальной схеме представляет собой определенное измерение (уровень) развертывания смыслового содержания права. *В-третьих*, с прикладной точки зрения профессиональной юридической деятельности смысловое поле представляет собой общетеоретическую модель смыслообразования в праве, которая обеспечивает единообразное понимание и функционирование всех источников права. Для целей научного исследования и практического использования модель смыслового поля права ценна тем, что она оказывает реальное интегрирующее воздействие на правосознание, законодательство, юридическую деятельность и саму юридическую науку («единство в многообразии»).

Мы считаем, что смысловое ядро права — это ментально-информационная часть его смыслового поля, выражающая знания, представления человека об универсальных, социокультурных характеристиках права. В состав смыслового ядра права входят ценности, идеи (принципы) и нормы права. При этом ценности — это априорная и концептуальная основа смысла права. Идеи и принципы представляют собой логико-понятийную и рациональную предпосылку его смысла. Нормы права выступа-

⁶ Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Гардарики, 1999. С. 318—330.

⁷ Гаврилова Ю. А. Понятие толкования права в контексте идеи смыслового поля // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 5. С. 34 ; Она же. Понятие смыслового поля права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. 2008. № 10. С. 49.

ют классической и специфической собственной смысловой единицей конструирования правовой материи.

Периферийные слои смыслового поля права выражают такую ментальную информацию, которая на основе всеобщих и принципиальных знаний, аккумулированных в смысловом ядре, актуально конкретизирует содержание права в процессе юридической практики и других форм социальной коммуникации, закрепляет в соответствующих источниках и формах эмпирически накопленный, обобщенный и транслируемый между поколениями правовой опыт.

Системный уровень смысловой периферии права состоит из двух крупных слоев: а) юридическая практика; б) социокультурный слой. Предметно-элементный уровень смысловой периферии права представлен в рамках юридической практики текущей правоприменительной, автономной правореализационной, правовоспитательной, праворазъяснительной практикой и т.д., а в рамках социокультурного слоя — оценочным, символично-ассоциативным, социально-предметным и другими слоями. Как видно, полевая структура смысла права не просто «копирует», а творчески осмысливает содержание права и предлагает комплексное «видение» его возможностей в процессе социальной эволюции права.

Если останавливаться на проблеме смыслового поля в политической науке, то наиболее созвучными авторами, занимающимися этими вопросами, можно назвать О. Г. Дуку и И. В. Следзевского. О. Г. Дука анализирует смысловое поле политики совместно с парным и близким ему по значению понятием смыслового пространства, а они соотносятся между собой как часть и целое. Всякое смысловое поле есть смысловое пространство, но не всякое смысловое пространство есть смысловое поле. Смысловое поле — это саморазвивающееся смысловое пространство, все компоненты которого изменяются под влиянием процесса смыслообразования. В то же время смыслообразование само корректируется благодаря объективно и субъективно задаваемой дина-

мике смыслового поля в таких режимах, как: 1) *целесолагание*, вырабатывающее общую цель и направленность этих действий; 2) *порождение смыслов* и 3) *корреляция смыслов* с точки зрения меры и степени соответствия полученных результатов замыслу⁸.

Концепция смыслового поля О. Г. Дуки представляется нам плодотворной, и следует согласиться с основными его тезисами, хотя автор при изложении частных деталей не избежал определенной противоречивости своих рассуждений. Так, автор пишет, что структура смыслового пространства сетевая и многоцентровая, а структура смыслового поля в силу ее аналогичности структуре физического поля — централизованная: имеет четко выделенный центр и размытую, с неявными контурами границ периферию. Однако отличие смыслового поля индивидуального ученого-политика от смыслового поля политической науки видится ему в переходе от подвижного меняющегося в пространстве центра (ученого) к поочередному или одновременному взаимодействию множества центров (науке). Очевидно, что в последнем случае речь идет в авторской трактовке о смысловом пространстве политики, а не ее смысловом поле.

В отличие от него, И. В. Следзевский рассматривает конструкт межцивилизационного диалога как смысловое поле мировой политики. Ученый полагает, что в рамках конструирования и интерпретации этого конструкта образуется собственное его смысловое поле. Вместе с тем понять его характер можно, лишь поставив и предложив варианты ответа на ряд основных вопросов. *Во-первых*, какие реальные проблемы мировой политики обуславливают смысловую динамику диалога цивилизаций, обладают мироорганизующими значениями? *Во-вторых*, какие смысловые элементы, связи и структуры позволяют диалогу цивилизаций играть смыслообразующую роль? *В-третьих*, какую конфигурацию глобальных и мировых отношений, в чьих интересах и с какими результатами выстраивает данная смысловая реальность? И в итоге — какую логику понимания (смыслообра-

⁸ Дука О. Г. Теория смыслового поля. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2009. С. 14.

зования) диалога выстраивают придаваемые ему смыслы?⁹

Оба автора солидарны в том, что значимую роль в построении внутривластных и глобальных стратегий развития общества играют коммуникативно-дискурсивные начала смысла, а О. Г. Дука опирается и на синергетический понятийный аппарат (фрактал, самоподобие, устойчивость и изменчивость). Заметим, что для организации сотрудничества между государственно-властными институтами и гражданским обществом важно наделять общество адекватными институциональными возможностями воздействия на власть, вытекающими из признания факта, что идеальный диалог возможен между равноправными субъектами. Иначе мы будем иметь дело с «диалогом сильного и слабого», что заведомо не позволит достичь взаимопонимания особенно в решении глобальных проблем современности.

Один из сложных аспектов затронутой нами темы — это вопрос о смысловом поле морали. Нередко обращающиеся к нему авторы вынуждены писать о данном явлении чересчур абстрактно и обобщенно, особо подбирая термины и выражения, чтобы найти нужную тональность, наиболее объемно охватить действительное смысловое содержание этических феноменов.

В словаре «Константы : Словарь русской культуры» академик Ю. С. Степанов, говоря, впрочем, не о морали вообще, но о близком ей по смыслу нравственном законе и только в христианской культуре, делает тем не менее концептуальные выводы. Он пишет: «В христианской культуре этот концепт восходит к библейским так называемым *Десяти заповедям*... Согласно Библии, эти заповеди были открыты Моисею на горе Синай на двух скрижалях... Отсюда видно, что Десять заповедей возникли историческим путем из более древних культовых

предписаний, регулирующих жизнь племени... (вытесняли из племенной памяти архетипические жертвоприношения человека языческим богам. — Ю. А.)... В Новом завете к Десяти заповедям присоединяется новое, основное в христианской этике — любовь к ближнему...» Резюмируя сказанное, Ю. С. Степанов указывает, что основное содержательное ядро морали (нравственного закона) составляет инвариантный комплекс «10 + 1» заповедей, подобно категорическому императиву И. Канта. Рядом с ним, в виде как бы его окружения, существуют вариации, связанные с желаниями и целями практических действий различных слов, групп общества (гипотетические императивы И. Канта, или «особые морали» социальных субъектов). В данных словах усматривается не что иное, как полевой подход к смыслу морали¹⁰.

Другая позиция по поводу исторического содержания морали с точки зрения формирования нравственного идеала развития общества приводится Р. Г. Апресяном. Мораль принципиально можно описывать с двух точек зрения: 1) системы норм (императивности) и 2) сферы ценностей («добро — зло»), особым сходством с которой характеризуется также представление о добродетели. Различаются эти уровни морали по внешней форме регуляции поступков, позитивному содержанию предписанных нравственных норм и внутреннему аспекту личного морального выбора при их реализации. Цепочка «самополагание — ценность — норма» — вот главное в смысловом поле морали, по автору, если такое понятие поля вообще применимо для анализа его этических взглядов¹¹.

Важно отметить, что нельзя противопоставлять друг другу деонтологический и телеологический подходы к морали, поскольку реализация необходимого целесообразного поведения в обществе должна всегда связываться с моральной оценкой цели и предвидением

⁹ Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // *Общественные науки и современность*. 2011. № 2. С. 143, 144.

¹⁰ Степанов Ю. С. *Константы : Словарь русской культуры*. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект, 2004. С. 775—781.

¹¹ Апресян Р. Г. *Мораль* // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. Т. 2. С. 611—613.

последствий своего поступка, но для этого как раз следует создать требуемые условия и предпосылки, обеспечивающие их достижение. Прав Ю. Ш. Стрелец, рассматривающий в единстве все модальные измерения морали: смысл морали — в возможности осуществления должного¹².

Отсюда следует: несмотря на то что понятие смыслового поля гуманитариям известно давно, а в отдельных дисциплинах (лингвистика, культурология, психология) оно получило подробную разработку в процессе развития предмета этих наук, проблема взаимодействия смыслового поля права, политики и морали практически не изучена в современной гуманитарной литературе. И это особенно удивительно, если иметь в виду особо ценный характер одноименных социальных регуляторов. По нашему мнению, соотношение этих смысловых полей выглядит следующим образом.

Каждый из названных типов социальной регуляции (право, политика, мораль) характеризуется синергетически обусловленным взаимодействием внутренней структуры и внешней среды. Например, под нормативно-ценностным компонентом права понимаются правовые нормы, а также фундаментальные ценностно-идейные основания, на которых они базируются. Под социальной средой действия права необходимо понимать совокупность экономических, политических нравственных, религиозных и других отношений, взаимодействие которых с юридической практикой обеспечивает поступательное, гармоничное правовое развитие общества.

Если затрагивать взаимное влияние права и политики, то, взятое через призму политических интересов, а также стоящих за ними типичных ценностей индивидуальных и коллективных субъектов права («ценностных ориентаций и предпочтений»), оно проявляется в одной из «старейших» проблем — соотношении *легальности* и *легитимности*. Думается, что следует видеть смысловое единство легальности и легитимности как универсальных ценностно-мировоззренческих оснований правового и полити-

ческого регулирования в моделях смыслового поля как права, так и политики. При этом для смыслового поля права политическая сфера жизни общества выступает как часть социальной среды его действия, а применительно к смысловому полю политики право оценивается как извне заданная «несущая» конструкция политического «здания», форма нормативной регламентации и упорядочения политического поведения.

В зависимости от того, малые или большие шумы (возмущения) воздействуют на общую политико-правовую среду, различается интенсивность воздействия циркулирующей в этих каналах информации на юридическую практику. Однако порой даже самые незначительные флуктуации могут породить максимальный или важнейший эффект для последующего развития системы. Речь идет о «резонансных» уголовных делах или об остроте и о накале политической атмосферы на выборах.

Право и мораль соотносятся своими смысловыми полями с позиции масштабов воздействия, базовых оснований формирования, психологических механизмов мотивации поведения и других критериев. В отличие от сферы нравственности как границы внутренней духовной свободы и самоопределения человека, государство — это организатор и правовой регулятор всей системы социального управления. И следовательно, чем адекватнее по отношению к требованиям современной общественной жизни государственная воля будет выражать базовые моральные ценности, тем в большей мере смысл законодательных норм будет приближаться и ассоциироваться с «идеальным», в том числе нравственно обоснованным, смыслом всего действующего права.

Что же касается сопоставления политики и морали, то можно исходить из того, что политическая сфера включает в себя не только правовые, но и нравственные нормы, зачастую трансформирующиеся во внутренние, организационно-процедурные правила самой политики. Известно, что в истории политико-правовых

¹² Стрелец Ю. Ш. Смысл жизни человека в философско-антропологическом измерении. Оренбург : ОГУ, 2003. С. 55.

учений вопрос о соотношении моральных принципов и политических целей (в сторону опоры на силу и выгоду вопреки морали) поставил Н. Макиавелли. Однако не стоит забывать, что тезис о несовместимости морали и политики был выдвинут Н. Макиавелли в определенном историческом контексте в целях преодоления феодальной раздробленности средневековой Италии (конец XV — начало XVI в.), в связи с чем ему казалась правильной именно идея «мастерства управления государством, независимого от моральных устоев»¹³.

Сегодня считается, что нравственные категории в политике просто имеют другой смысл, чем в собственной сфере морали. В политике они, хотя и не всегда, характеризуются двусмысленностью трактовки, сокрытием истинных мотивов и намерений действий политиков, неоднозначным отношением к государству и другим политическим институтам. Поэтому оптимальное сочетание политического и морального состоит в превращении исходных моральных требований и качеств во внутренний стимул достижения политических задач, а не под влиянием тех или иных конъюнктурных соображений.

На наш взгляд, комплиментарный анализ смысловых полей права, политики, морали должен обязательно учитывать специфику историко-культурного развития Отечества. Длительное время в отечественной науке, а прежде всего правовой, понятие справедливости, свойственное русскому духу и сознанию, не рассматривалось в качестве одного из фундаментальных¹⁴. В праве это выражалось в абсолютном приоритете позитивистских начал (требований законности), что привело к отчуждению личности от государства, развитию правового нигилизма в правосознании, «теневому» праву, обращению к нравственным и религиозным основаниям правового регулирования как «спасительным» факторам его модернизации и трансформации в новых условиях.

Учитывая историко-культурную специфику российской правовой системы, менталитет многонационального населения страны, в отечественной доктрине и практике можно обнаружить два фундаментальных принципа (начала), — это *законность и юридическая справедливость*. Концепция «предустановленного», «готового» смысла условно соответствует требованию законности как режиму строгого и неуклонного соблюдения требований правовых норм¹⁵. Что же касается принципа юридической справедливости, то он вполне коррелирует с теорией смыслотворчества, создания правовых смыслов.

Проблема социальной справедливости в праве затрагивается огромным числом специалистов. Мы хотим обратить внимание на позицию В. М. Розина, выделяющего три значения этого термина: 1) ценность индивида; 2) общее для определенного времени и социальной системы; 3) результат компромисса между ними, примиряющий сложившиеся социальные позиции, позволяющий сосуществовать разным социальным субъектам¹⁶. По нашему же мнению, роль юридической справедливости состоит в том, что она способствует постоянному обновлению и совершенствованию позитивного закона, не только сглаживая его формальные недостатки и противоречия, но и согласовывая действие правовых норм с иными реально функционирующими в обществе социальными нормами: моральными, политическими, религиозными и т.д. Отсюда законность и юридическая справедливость выполняют функции универсальных политико-правовых и нравственных критериев смыслообразования.

Специфика такого подхода легла в основу разработки соответствующих концепций правовой политики как особого вида государственной деятельности, направленного на законодательное и правоприменительное обеспечение

¹³ Макиавелли Н. Государь. М. : Планета, 1990. С. 46—58.

¹⁴ Кистяковский Б. А. Философия и социология права (Русская социология XX века). СПб. : РХГИ, 1999. С. 114, 115.

¹⁵ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит. 1982. Т. 2. С. 324.

¹⁶ Розин В. М. Проблема и три значения социальной справедливости // Электронный философский журнал Vox / Голос. Вып. 14. 2013. Июнь. С. 1, 2, 6. URL: <http://vox-journal.org> (дата обращения: 24.09.2016).

решения основных ключевых проблем развития общества, в том числе среди инструментов этой политики могут и должны выделяться нравственные и политические принципы¹⁷. Нравственные основания правовой политики — это пример наиболее тесной взаимосвязи смысловых полей права, политики и морали.

Таким образом, для нас важным является то, что понятие юридической справедливости не противостоит, а дополняет требование законности, наделяет его исторически релевантным контекстом, способствует выявлению новых смысловых аспектов понимания государственно-властных юридических норм, их

гармонизации со всей системой социального регулирования. Именно поэтому требуется осмыслить в комплексе названные тенденции в политической сфере (интерес государства), правовой (интересы публичного и частного права) и нравственной сферах («жизненный мир» личности). Общим спектром такого осмысления выступает анализ соответствующих смысловых полей права, политики и морали. Рассмотрение во взаимодействии политико-правовой и моральной смысловых сфер бытия будет оказывать прогрессивное воздействие на развитие основных компонентов российской действительности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общая теория прав : в 2 т. — М. : Юрид. лит., 1982. — Т. 2. — 360 с.
2. Апресян Р. Г. Мораль // Новая философская энциклопедия : в 4 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 2010. — Т. 2. — 634 с.
3. Воронков С. С. Общая динамика. — Псков : Квадрант, 2008. — 155 с.
4. Гаврилова Ю. А. Понятие смыслового поля права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. — 2008. — № 10. — С. 44—49.
5. Гаврилова Ю. А. Понятие толкования права в контексте идеи смыслового поля // Вестник Саратовской государственной академии права. — 2007. — № 5. — С. 34—38.
6. Дука О. Г. Теория смыслового поля. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2009. — 122 с.
7. Ермолина Л. А. Человек в пространстве и времени как в культурно-смысловом поле // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2015. — № 12. — С. 19—22.
8. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избранные труды. — М. : Гнозис, 2005. — 543 с.
9. Кистяковский Б. А. Философия и социология права (Русская социология XX века). — СПб. : РХГИ, 1999. — 800 с.
10. Макиавелли Н. Государь. — М. : Планета, 1990. — 80 с.
11. Малько А. В. Теория правовой политики. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 328 с.
12. Розин В. М. Проблема и три значения социальной справедливости // Электронный философский журнал Vox / Голос. Вып. 14. 2013. Июнь. С. 1—27. URL: <http://vox-journal.org> (дата обращения: 24.09.2016).
13. Следзевский И. В. Диалог цивилизаций как смысловое поле мировой политики // Общественные науки и современность. — 2011. — № 2. — С. 141—156.
14. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры. — Изд. 3-е, испр. и доп. — М. : Академический проект, 2004. — 992 с.
15. Степин В. С. Теоретическое знание. — М. : Гардарики, 1999. — 400 с.
16. Стрелец Ю. Ш. Смысл жизни человека в философско-антропологическом измерении. — Оренбург : ОГУ, 2003. — 139 с.
17. Эльконин Д. Б. Психология игры. — М. : Педагогика, 1978. — 360 с.

¹⁷ Малько А. В. Теория правовой политики. М. : Юрлитинформ, 2012. С. 41.

18. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung 1,1. Halle a. d. S. — Verlag von Max Niemeyer, 1913. — 847 s.

Материал поступил в редакцию 20 мая 2018 г.

THE MEANINGS OF LAW, POLITICS, MORALITY: THE PROBLEM OF INTERACTION

GAVRILOVA Yuliya Aleksandrovna, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and the State of the Volgograd State University
 juliagavr@yandex.ru
 400062, Russia, Volgograd, Universitetskiy prosp., d. 100

Abstract. *The problem of interaction of the semantic field of law, politics and morality has not been thoroughly dealt with in modern humanitarian literature despite the fact that the concept of the semantic field is known to humanitarians for a long time, and in separate disciplines (linguistics, cultural studies, psychology) it has been thoroughly elaborated in the process of development of the subject of the sciences in question. The purpose of the article is to identify the meaning and scope of the use of the concept of the semantic field in law, politics and moral sphere of the society, as well as to identify the problem of interaction of these fields, to propose ways of resolving the main problems encountered during the analysis. The research methodology applied by the authors represents a complex combination of ideas of dialectics, synergetics, hermeneutics, phenomenology, communication, as well as a normative-axiological approach to law. Sources on philosophy, politics, psychology, morality and law have been used. The main results of the research are as follows: the analysis of the concept of the semantic field in each of the proposed areas of social knowledge requires a meaningful reinterpretation of the conceptual apparatus and filling its elements with the meaning that corresponds to the goals, objectives and nature of the subject of the science in question, which also affects the peculiarities of the applied methods of cognition.*

Keywords: *sense of law, sense of politics, sense of morality, semantic field, concept, natural-scientific methodology, humanitarian methodology.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prav : v 2 t. — M. : Yurid. lit., 1982. — T. 2. — 360 s.
2. Apresyan R. G. Moral' // Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t. — 2-e izd., ispr. i dop. — M. : Mysl', 2010. — T. 2. — 634 s.
3. Voronkov S. S. Obshchaya dinamika. — Pskov : Kvadrant, 2008. — 155 s.
4. Gavrilova Yu. A. Ponyatie smyslovogo polya prava // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5 : Yurisprudenciya. — 2008. — № 10. — S. 44—49.
5. Gavrilova Yu. A. Ponyatie tolkovaniya prava v kontekste idei smyslovogo polya // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. — 2007. — № 5. — S. 34—38.
6. Duka O. G. Teoriya smyslovogo polya. — Omsk : Izd-vo OmGPU, 2009. — 122 s.
7. Ermolina L. A. Chelovek v prostranstve i vremeni kak v kul'turno-smyslovom pole // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. — 2015. — № 12. — S. 19—22.
8. Zalevskaya A. A. Psiholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst : izbrannye trudy. — M. : Gnozis, 2005. — 543 s.

9. *Kistyakovskij B. A.* *Filosofiya i sociologiya prava (Russkaya sociologiya XX veka)*. — SPb. : RHGI, 1999. — 800 s.
10. *Makiavelli N.* *Gosudar'*. — M. : Planeta, 1990. — 80 s.
11. *Mal'ko A. V.* *Teoriya pravovoj politiki*. — M. : Yurlitinform, 2012. — 328 s.
12. *Rozin V. M.* Problema i tri znacheniya social'noj spravedlivosti // *Elektronnyj filosofskij zhurnal Vox / Golos*. Вып. 14. 2013. Iyun'. S. 1—27. URL: <http://vox-journal.org> (data obrashcheniya: 24.09.2016).
13. *Sledzevskij I. V.* Dialog civilizacij kak smyslovoe pole mirovoj politiki // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. — 2011. — № 2. — S. 141—156.
14. *Stepanov Yu. S.* *Konstanty : Slovar' russkoj kul'tury*. — Izd. 3-e, ispr. i dop. — M. : Akademicheskij proekt, 2004. — 992 s.
15. *Stepin V. S.* *Teoreticheskoe znanie*. — M. : Gardariki, 1999. — 400 s.
16. *Strelec Yu. Sh.* *Smysl zhizni cheloveka v filosofsko-antropologicheskom izmerenii*. — Orenburg : OGU, 2003. — 139 s.
17. *El'konin D. B.* *Psihologiya igry*. — M. : Pedagogika, 1978. — 360 s.